

КИРИЛЛ ТАРАНОВСКИЙ

О ПОЭЗИИ
И ПОЭТИКЕ

ВЕР 80 в 44
Т 18

СОДЕРЖАНИЕ

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)

КИРИЛЛ ТАРАНОВСКИЙ

О ПОЭЗИИ И ПОЭТИКЕ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 80 я 44
Т 19

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект 99-06-87002

Тарановский Кирилл

Т 19

О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. – М.: Языки
русской культуры, 2000. – 432 с. – (Studia poetica).

ISBN 5-7859-0099-8

Собрание классических работ известнейшего специалиста по русской
поэтике. Включает его труд о поэтике Мандельштама (в полном объеме –
впервые), а также статьи – образцы тонкого анализа образов и стиха Блока,
Маяковского, Пастернака и других поэтов.

ББК 80 я 44

**Кирилл Тарановский
О ПОЭЗИИ И ПОЭТИКЕ**

Издатель А. Кошелев

Корректор М. М. Коробова

Подписано в печать 20.11.99. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Школьная.
Усл. изд. л. 34,83. Заказ № 1489 Тираж 3000.

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

С апреля 1998 г. каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only
the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk)
has an exclusive right on selling this book outside Russia.

ISBN 5-7859-0099-8

9 785785 900998 >

© М. Л. Гаспаров. Составление, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	7
Дж. Бейли, Х. Баран. Об авторе	9
Очерки о поэзии О. Мандельштама	13
I. Концерт на вокзале. К вопросу о контексте и подтексте	13
II. Сеновал. О замкнутой и открытой интерпретации поэтического текста	39
III. Черно-желтый свет. Еврейская тема в поэзии Мандельштама	77
IV. Часы-кузнецик. Разбор одного «заумного» стихотворения ..	105
V. Пчелы и осы. Мандельштам и Вячеслав Иванов	123
VI. Почва и судьба. Третий Рим. Молчание. Поэт в могиле	164
О поэтике Бориса Пастернака*	209
Поэма Маяковского «Про это». Литературные реминисценции и ритмическая структура	221
Основные задачи статистического изучения славянского стиха	234
Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI—XIII вв.	257
О ритмической структуре русских двусложных размеров	274
Ранние русские ямбы и их немецкие образцы	283
Из истории русского стиха XVIII в. Одическая строфа в поэзии Ломоносова	291
Четырехстопный ямб Андрея Белого	300
Некоторые черты символики Блока*	319
Зеленые звезды и поющие воды в лирике Блока	330
«Сладкие» и «влажные» рифмы у Лермонтова	343
Звуковая ткань русского стиха в свете фонологических дистинктивных признаков*	347
Звукопись в «Северовостоке» Волошина	358
Некоторые проблемы анжамбмана в славянском и западноевропейском стихе*	364
О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики	372
Вместо послесловия. Г. А. Левинтон, Р. Д. Тименчик.	
Книга К. Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама	404
М. Л. Гаспаров. К. Тарановский — стиховед	417
О. Ронен. К. Ф. Тарановский и «раскрытие подтекста» в филологии ...	420
Библиография работ Кирилла Тарановского	426

* Перевод с английского Т. В. Скулачевой и М. Л. Гаспарова.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Кирилл Федорович Тарановский родился в 1911 г. и умер в 1993 г. Ему было 9 лет, когда он покинул Россию вместе с родителями; 30 лет — когда он защитил диссертацию в Белграде; 42 года — когда он ее напечатал отдельной книгой, потому что в промежутке была война. Это были «Русские двусложные размеры» (1953) — фундаментальный труд, который подвел итоги «героической» эпохе становления современного научного стиховедения и стал настольной книгой для всякого, занимающегося русским стихом. Ему было 47 лет, когда он переехал работать в США — сперва в Лос-Анджелес, потом в Гарвард; 56 лет — когда он напечатал первую статью о поэтике Мандельштама (в юбилейном сборнике в честь своего старшего товарища Р. Якобсона); 65 лет — когда его «Очерки о Мандельштаме» вышли отдельной книгой (1976), а ученики его, официальные и неофициальные, в Америке и в России, уже разрабатывали предложенные в ней понятия интертекстуальной поэтики — «контекст» и «подтекст»; с тех пор это направление стало одним из самых видных в современной филологии. Только в 62 года ему было позволено вновь увидеть Россию, для первого раза — туристом; только в 66 лет он смог провести в Москве полгода, работая с А. Н. Колмогоровым и его учениками над усовершенствованием методов изучения стиха. Его публикации в советских изданиях стали появляться с 1966 г., но лишь редкие и небольшие. Его мечтой было, чтобы сделанные им работы вернулись на родину, стали доступны всякому российскому филологу. Надежда на это появилась лишь в последние годы его жизни.

Тогда и был составлен этот том избранных его работ, при его участии и с его одобрения. Из-за издательских трудностей выход книги затянулся на семь лет; автор так и не смог ее увидеть. Главную часть его составляют «Очерки о поэзии Мандельштама» — специально для настоящего издания Кирилл Федорович написал их русский вариант, значительно расширенный и дополненный по сравнению с английской книгой. Другая его монография, «Русские двусложные размеры», представлена здесь образцово сжатым авторским конспектом — статьей «О ритмической структуре русских двусложных размеров». Остальные статьи посвящены отдельным вопросам стихосложения, привлекавшим

внимание автора уже после «Русских двусложных размеров», вопросам лингвистического анализа звукописи, образному и символическому строю поэзии — это был круг его интересов последних лет. Особое положение занимают статьи «Четырехстопный ямб Андрея Белого» и «О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики»: первая — о семантике ритма, вторая — о семантике метра; эти темы, прорывающие традиционные рамки стиховедения и новым, неожиданным образом ставящие вечный вопрос о связи художественной формы и содержания, тоже дали толчок многочисленным исследованиям по семантике стиха в последние десятилетия: Кирилл Федорович Тарановский оказался первопроходцем и в этой области.

Составитель и издатель приносят глубокую благодарность Виде Тарановской-Джонсон и Федору Тарановскому за поддержку при подготовке этого издания.

М. Л. Гаспаров

ОБ АВТОРЕ

Кирилл Федорович Тарановский родился 19 марта 1911 г. в Юрьеве (ныне — Тарту), где отец его, видный историк права (ученик А. Л. Блока, отца поэта), был профессором в университете. Здесь прошли его детские годы. В 1920 г., после революции и гражданской войны, семья эмигрировала в Югославию. Кирилл Тарановский окончил сербскую гимназию в Земуне (в 1929) и юридический факультет в Белграде (в 1933). В студенческие годы началась его литературная работа, его переводы русских стихов и пьес на сербохорватский язык. Юридическая карьера была ему не по душе; он вновь поступил в университет и окончил филологический факультет в 1936 г. Летом 1937 г. и с февраля 1938 по июнь 1939 г. он продолжал учение в Карловом университете в Праге, слушая Хлумского, Горака, Мукаржовского. Здесь он сблизился с Пражским лингвистическим кружком, более всего — с Романом Якобсоном; их встреча стала началом долгой дружбы и научного товарищества. В белградской аспирантуре руководителем Тарановского был А. Белич. Свою докторскую диссертацию («Русские двудольные ритмы») он защитил в Белграде, уже оккупированном немцами, 14 июля 1941 г. Из-за войны и последующих политических событий напечатана она была только через двенадцать лет. В Белградском университете Тарановский преподавал на разных должностях с 1937 по 1958 год, с 1956 г. — ординарным профессором.

Весной 1958 г. он побывал в Оксфордском университете как приглашенный лектор, зимой 1958—1959 — в Гарвардском университете как приглашенный профессор. После этого он принял приглашение Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и преподавал там с 1959 по 1963 г. В 1963 г. он перешел в Гарвард и оставался там до самой своей отставки в 1981 г. В 1976 г. по научному обмену он совершил полугодовую поездку в Москву и Ленинград, а в 1982—1983 учебном году — в Югославию. Еще в 1955 г. он был ответственным секретарем югославского организационного комитета первого послевоенного конгресса славистов в Белграде, потом входил в редколлегии журналов «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics» и «Russian Literature», выступал с докладами на международных конференциях и в американских и

европейских университетах. Писать и печататься он продолжал почти до самой смерти. Он умер после недолгой болезни 18 января 1993 г. в своем доме в Арлингтоне близ Бостона.

Кирилл Тарановский был филологом-славистом той формации, которая уже исчезает в американской и мировой науке. Он обладал широчайшим кругом знаний, одинаково чувствовал себя специалистом в языке и в литературе, свободно говорил на нескольких языках и был настоящим знатоком славянской поэзии. Его научные интересы охватывали словесность нескольких славянских стран от памятников Средневековья до новейших стихов. Но каков бы ни был материал, он подходил к нему с ювелирным анализом текста, стремясь понять его структуру на всех уровнях, от звуковой ткани до семантики. Он твердо верил, что долг исследователя — вникнуть в «музыкальную партитуру» текста, в объективную структуру, заложенную в нем. Импрессионистические «прочтения» и обобщения претили ему, и он осуждал любителей интерпретаций, построенных на сугубо личных впечатлениях от литературы.

В центре научного внимания Тарановского была поэтика в самом широком смысле. Монография «Русские двудольные ритмы», итог первого периода его научной работы, стала, наряду с исследованиями Б. Томашевского и Р. Якобсона 1920—1930-х гг., классикой русского стиховедения и образцом «русского метода» анализа стиха с помощью точных подсчетов. Опираясь на точные фонетические понятия и на обширные статистические обобщения, Тарановский смог обрисовать ритмические особенности каждого русского классического размера в отдельном произведении, в творчестве каждого поэта, в литературе каждого периода и в конечном счете во всей русской поэзии XVIII—XIX вв. Его положения, высказанные на основе огромного тщательно проанализированного материала, были подтверждены последующим подъемом стиховедения в России, начавшимся в 1960-х гг. и отмеченным именами А. Н. Колмогорова, А. В. Прохорова, М. Л. Гаспарова. Тарановский выступил и в рискованной области сравнительного стиховедения — русского, сербохорватского, украинского, немецкого. Каждая из его новаторских статей о строении стиха, тщательных и точных, бросала свет на такие проблемы, как звуковая ткань стиха, анжамбман, цезура или особенности народного стихосложения. В одном из первопроходческих исследований он включился в давнюю дискуссию о существовании стиха в древнерусской литературе, предложив для нее понятия «сказовый стих» и «молитвословный стих»; в другом он исследовал ассоциативные связи между стихотворным размером и тематическим комплексом (5-ст. хорей и тема пути в русской поэзии).

В поздние годы Тарановский все больше переключался на проблемы семантики — особенно в стихах Блока, Маяковского, Пастернака, Мандельштама. Особенно важны были его работы по Мандельштаму — они привели к пересмотру всего наследия этого поэта и к разработке

новой методологии, исключительно важной для нашего понимания поэтической семантики. Тарановский показал, что главным в поэтике Мандельштама была опора на «подтексты», реминисценции из других поэтов в его стихах. Часто такой подтекст — источник смыслового мотива, повторяющегося и порой трансформирующегося, — оказывался ключом к пониманию текста его поздних произведений. Эта «открытая» интерпретация стихов Мандельштама дополняла ту «закрытую» (восходящую к работам Тынянова 1920-х гг.), при которой анализ смысла намеренно ограничивался семантическими отношениями, не выходящими за пределы текста. Тарановский мастерски владел обоими методами и убедительно показывал всю важность их взаимодействия.

Работы Тарановского о Мандельштаме явились вовремя: на Западе ученые все больше занимались Серебряным веком, заполняя пробелы прежних исследований, и даже в СССР молодые филологи вновь открывали и осмыслили огромное культурное наследие, отвергнутое официальной наукой. Акмеизм, ощущавшийся как нравственное сопротивление советскому режиму, был в центре их внимания, и труды Тарановского были встречены ими с энтузиазмом. Первопроходческие работы Тарановского (и его ближайших учеников по Мандельштаму — таких, как О. Ронен и С. Бройд) оживили исследования не только о Мандельштаме (где схожие идеи высказывались А. Морозовым), но и о таких поэтах Серебряного века, как Ахматова, Кузмин, Блок.

Первая его статья была о переводах Вяч. Иванова из Сапфо как возможном ключе к «южным» стихотворениям Мандельштама; за нею последовали другие, пересматривавшие и расширявшие как метод, так и материал. Сжато и ясно написанные, эти статьи сохраняют творческую атмосферу того времени: в них чувствуется не только собственная увлеченность Тарановского, но и живость его первых гарвардских семинаров, и его непрерывная переписка с коллегами из России — М. Гаспаровым, Ю. Левиным, Д. Сегалом. Потом эти очерки были переработаны в книгу «Статьи о Мандельштаме», вышедшую по-английски в 1976, а по-сербски в 1982 г. Многолетняя переписка с русскими учеными была лишь одним из многих знаков его давней и глубокой привязанности к России. Он с любовью вспоминал месяцы, которые он провел в 1976 г. со своей женой Верой Любомировной в Москве и Ленинграде, среди настоящих ученых, вне всякой официальнойщины, открывая в себе близость с такими сверстниками, как В. Я. Бухштаб и Л. Я. Гинзбург, и завязывая личное знакомство с младшим поколением филологов. В свою очередь и сам он произвел глубокое впечатление на русскую интеллигенцию времен застоя, и воспоминания о его пребывании в России — как и о более кратких визитах Р. Якобсона — дышат теплотой, любовью и живым юмором.

Старшие его гарвардские товарищи — Х. Лант, Дж. Мальмстед, В. Сечкарев, Ю. Штридтер, Д. Фангер — пишут в памятном слове о нем:

«Он был большой ученый и мог внушать некоторым большой страх. Он знал наизусть бесконечно много славянских стихов и не раз выражал грусть, когда коллеги и ученики не могли уловить что-то главное в разбираемых текстах. По-английски он говорил хорошо, но немного скованно, и когда он приостанавливался, то нелегко было прочесть его мысль и его взгляд из-за толстых стекол очков. Многие, знавшие его только в американские годы и только в университетской обстановке, были бы удивлены, узнав, что смолоду он был отличным спортсменом — пловцом и гимнастом, — что лет до пятидесяти он легко ходил на руках, и что иной раз ему помогали сводить концы с концами его редкая память и его математические навыки в таких нефилологических искусствах, как бридж и покер. Кто бывал у него дома в Арлингтоне, те знали его лучше. Широкое гостеприимство, щедрое угощение, домашняя водка, веселая беседа на нескольких языках, любовная и неутомимая забота Веры Любомировны, воспоминания нараспашку, песни и, чаще всего и памятные всего, само собой начинающееся чтение стихов, знакомых и незнакомых, — во всем этом раскрывался человек глубоких и богатых чувств, при всей его сдержанности в официальной обстановке. Такие вечера продолжались тридцать лет; когда они кончились, кончилась целая эпоха».

Научные заслуги К. Тарановского нашли достойный отклик в юбилейном сборнике «Slavic Poetics» (1973): здесь к его 60-летию собрали свои статьи более пятидесяти его учеников и товарищей со всего мира. Все, кто были его учениками и товарищами, помнят его высокие требования к научности — меньше риторики, больше точности и фактов! — и помнят, как был он щедр советами и научной помощью во всех областях своих богатых знаний.

Дж. Бейли (Висконсинский университет)
Х. Баран (университет Олбани)

Некролог, напечатанный в «Slavic and East European Journal»,
v. 37, 1993, p. 417—420.

ОЧЕРКИ О ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

I

КОНЦЕРТ НА ВОКЗАЛЕ

К вопросу о контексте и подтексте

Двадцать второго октября 1920 г. А. Блок записал в дневнике:

«Гвоздь вечера — И. Мандельштам, который приехал, побывав во врангелевской тюрьме. Он очень вырос. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь. «Жидочек» прячется, виден артист. Его стихи — возникают из снов — очень своеобразных, лежащих в областях искусства только».

Не совсем ясно, что значит последняя фраза Блока: что искусство, как таковое, основная тема поэзии Мандельштама или же что оно является главным источником его вдохновения. Что бы Блок ни думал, оба предположения верны.

Я получил блаженное наследство
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо волны.
И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И как *свою* ее произнесет.

(«Я не слыхал рассказов Оссиана»)*

Эти строки Мандельштам написал еще в 1914 г. В июне 1932 г. он повторил эту же идею в стихотворении о Батюшкове:

Что ж, поднимай удивленные брови,
Ты, горожанин, и друг горожан,
Вечные сны, как образчики крови,
Переливай из стакана в стакан.

* Все цитаты и ссылки — по изданию: Собрание сочинений в 3-х т. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Вашингтон, 1961—1971 (2-е изд. I тома — 1967). Все курсивные выделения — наши.

Идея о переливании вечных снов из стакана в стакан получила дальнейшее развитие в стихотворении «К немецкой речи», написанных через два месяца:

Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится.

Образ виноградной строчки находит объяснение опять-таки в стихах о Батюшкове. Это просто метафора об изначальной свежести поэзии:

И отвечал мне оплакавший Тасса:
«Я к величаньям еще не привык,
Только стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык».

Следует отметить, что метафора винограда, как поэзии, была дана намеком уже в «Грифельной оде» (1923), самом сложном стихотворении Мандельштама о творческом процессе: «Плод нарывал. Зрел виноград»¹.

Идея об исконности поэзии («...прежде чем я смел родиться ... я книгой был ...») высказана на более отвлеченном уровне в одном из его «Восьмистиший» (1934 г.). «Губы» в этом стихотворении — вне всякого сомнения — «поэтические губы» (любимый образ в поэзии Мандельштама), а шепот, который был рожден еще прежде губ, не что иное, как сама поэзия:

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме,
И Гёте, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты².

Поэзия существовала еще до того, как человечество ее осознало. Но поэтов пока еще не было; были только редкостные предчувствия:

«Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем оказываются сверху. Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днем, тоскуя по глубинным слоям времени, как пахарь, жаждет целины времен...

Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяют исторический Овидий, Пушкин, Катулл.

Удивительно, в самом деле, что все возятся с поэтами и никак с ними не развяжутся. Казалось бы — прочел и ладно. Преододел, как теперь говорят. Ничего подобного. Серебряная труба Катулла:

Ad claras Asiae volumus urbes

мучит и тревожит сильнее, чем любая футуристическая загадка. Этого нет по-русски. Но ведь это должно быть по-русски. Я взял латинские стихи потому, что русским читателем они явно воспринимаются как категория долженствования; императив звучит в них нагляднее. Но это свойство всякой поэзии, поскольку она классична. Она воспринимается как то, что должно быть, а не как то, что уже было.

Итак, ни одного поэта еще не было. Мы свободны от груза воспоминаний. Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы, и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристиях, глубокая радость повторенья охватывает его, головокружительная радость:

Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.

Время вспахано плугом, и роза землею была.

Так и поэт не боится повторений и легко пьянеет классическим вином». («Слово и культура», 1921).

Старый и Новый Завет и Апокалипсис, Гомер и Сапфо, Овидий и Тибулл, Данте и Тассо, Вийон, Расин и Верлен, Диккенс и Эдгар По, Державин, Батюшков, Пушкин, Языков, Тютчев, Лермонтов, Фет, Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Анненский, Ахматова — это только несколько источников, отражающихся в поэзии Мандельштама, или как явные реминисценции, или как зашифрованный подтекст. Само собой разумеется, что такие реминисценции, и даже и прямые цитаты, приобретают новое качество в его творчестве. Мандельштам не был подражателем. Эту особенность поэзии Мандельштама заметил Бенедикт Лившиц еще в 1919 г. (то есть после «Камня», но до «Tristia»):

«Не новых слов ищет поэт, но новых сторон в слове, данном как некая завершенная реальность, — какой-то новой, доселе не замеченной нами грани, какого-то ребра, которым слово еще не было к нам обращено. Вот почему не только «старыми» словами орудует поэт: в стихах Мандельштама мы встречаем целые строки из других поэтов; и это не досадная случайность, не бессознательное заимствование, но своеобраз-